

Суть Искусства Марионеток отличается от исцеляющего заклинания «Озарение Святым Светом», принадлежащего к течению буддийских культиваторов. Хотя оба метода расходуют духовную силу заклинателя, Озарение Святым Светом стремится вернуть поврежденную часть в точно такое же состояние, каким оно было до получения травмы. Искусство Марионеток же не только позволяет восстановить поврежденные участки, но и способно в процессе починки примешать волю заклинателя, заставляя исцеляемый объект в определенной степени изменяться по желанию мастера.

Приведем простой пример: если у человека еще до получения травмы была легкая хромота на левую ногу, а затем он случайно сломал эту же ногу, то после применения Озарения Святым Светом нога сможет полностью исцелиться, однако врожденная хромота никуда не денется. С Искусством Марионеток всё иначе. Если заклинатель пожелает, он может намеренно исправить проблему с хромотой одновременно с восстановлением сломанной ноги пациента. Чем искуснее владеешь техникой Искусства Марионеток, тем шире становится диапазон возможных исправлений.

Но раз Искусство Марионеток относится к заклинаниям пути культиваторов демонического пути, у него неизбежно есть свои изъяны.

Хотя Озарение Святым Светом не способно исцелить старые хронические недуги, после применения заклинания не остается абсолютно никаких побочных эффектов. С Искусством Марионеток дело обстоит совершенно иначе.

Поскольку Искусство Марионеток несет в названии слово «марионетка», главная его опасность заключается в том, что при чрезмерном применении техники объект может из-за побочных эффектов потерять разум и превратиться в живой «труп», обладающий признаками жизни, но лишенный души. Такое состояние ходячего мертвеца ничем не отличается от настоящей «марионетки», когда от человека остается лишь внешне целая оболочка.

Поэтому, хотя при исцелении легких травм Искусство Марионеток порой превосходит Озарение Святым Светом, при столкновении с тяжелыми повреждениями его побочные эффекты проявляются с огромной силой.

Как правило, для изначально эгоистичных и подозрительных культиваторов демонического пути вряд ли возможно существование того, ради кого они согласились бы растрачивать собственную духовную силу и выкладываться до конца при спасении. Но если подобный объект все же находится, это означает его особую важность, и тогда врожденные изъяны Искусства Марионеток неизбежно ограничат возможности самого заклинателя.

Должно быть, в тот день Ань Циюань впал в безумие и безжалостно оторвал Цин Яню конечности. Столкнувшись со столь тяжелыми травмами, сколь бы искусен ни был Ду Яо в Искусстве Марионеток, он никак не мог избежать побочных эффектов этого заклинания.

Су Чэ мгновенно всё понял: судя по всему, Цин Янь лишился рассудка именно потому, что Ду Яо применил к нему высшую технику Искусства Марионеток, превратив эту исцеленную плоть

в пустую оболочку без души. А случайно пролетавшее мимо божественное сознание самого Су Чэ, чья плоть пала, инстинктивно устремилось в «сосуд», идеально подходящий для вмещения божественного сознания, и таким образом Су Чэ естественным образом стал новым хозяином этого тела.

Наконец-то разобравшись во всей этой запутанной истории с ее началом и концом, Су Чэ, которого Ань Циюань насильно прижимал к груди, почувствовал, как его голова раскалывается от боли.

Из-за того, как грубо и бесцеремонно только что обошелся с ним Ань Циюань, он едва не потерял рассудок от обиды: почему на этом свете лишь культиваторы демонического пути владеют столь изощренной магией, как Искусство Марионеток? Перейди он в любую другую секту или направление, он бы не оказался в столь растерянном и беспомощном положении. Глядя, как щеки Цин Яня постепенно возвращаются к прежнему виду, Ань Циюань лишь тогда убрал выпущенные наружу духовные нити. Он ухватил Су Чэ за подбородок и, прищурившись наподобие хищного леопарда, с предельной сосредоточенностью принялся осматривать лицо, которое только что сам же и повредил.

Это лицо было единственной ценностью, благодаря которой существовал этот Цин Янь, и даже Ань Циюань не желал портить его понапрасну.

Присутствие Ань Циюаня было чересчур подавляющим, особенно при столь близком, интимном контакте.

Су Чэ крепко сжал зубы, силясь не замечать того факта, что сейчас он почти совершенно нагим сидел на руках у Ань Циюаня. Однако Ань Циюань продолжал поглаживать его щеку подушечкой пальца, а горячее дыхание и вовсе касалось чувствительной кожи, из-за чего Су Чэ было просто невозможно обманывать самого себя.

Глядя на бесстрастное лицо Су Чэ, Ань Циюань вовсе не удивился.

В конце концов, поставленная им лично Магическая печать еще полностью не слилась с этим телом, и стоило Су Чэ хоть немного выразить эмоции на лице, как возникала пронзительная боль. Поэтому, даже не наблюдая со стороны Су Чэ прежнего нарочитого раболепия, Ань Циюань не заметил в его поведении ничего особо странного.

После разрядки настроение у Ань Циюаня было вполне сносным, да и уровень терпимости к этому Цин Яню немного возрос.

Он лишь заставил Цин Яня посмотреть на него, ухватив за подбородок, и спросил: — Что? Напугал тебя?

— Желаешь какую-нибудь награду — так и говори, я всё тебе пожалуйю.

После кнута всегда следовало дать пряник — таково извечное искусство управления людьми в исполнении Ань Циюаня.

Су Чэ тут же насторожился, услышав это, опасаясь, что этот ненормальный Ань Циюань снова выдвинет какое-нибудь немыслимое требование. Но, видя, что тот лишь с виду зачарованно смотрит на его лицо и не предпринимает иных действий, Су Чэ немного ослабил бдительность.

— Действительно любую награду?

Хотя Су Чэ всегда презирал торговлю собственным телом ради выгоды, сейчас, при малейшем шансе найти способ вырваться из лап этого демона, ему приходилось прибегнуть к столь отчаянной мере.

— Разумеется.

Получив от Ань Циюаня утвердительный ответ, Су Чэ немного подумал и произнес: — Я хочу заняться культивацией.

Услышав такое требование, Ань Циюань слегка удивился.

Хотя прежде он не придавал этому Цин Яню большого значения, но всё же из регулярных докладов Ду Яо составил определенное представление о его характере.

В его глазах этот Цин Янь был не более чем недалеким обывателем. И хотя ему досталось лицо, похожее на лицо Су Чэ, в делах ему не доставало ни упорства, ни тем более решимости.

Те же, кто решал ступить на путь культивации, если только они не были совершенно слепы к жестокости Мира Культивации, непременно обладали куда более твердым разумом, чем обычные люди.

Независимо от того, удастся ли ищущему бессмертия достичь великого Дао или его путь прервется на середине, всякий, кто выбирал эту дорогу, несомненно, знал, какие кровавые бури, немыслимые для простых людей, ждут его впереди. Цин Янь прибыл в Домену Без Прощения уже некоторое время назад. Хотя он часто не выходил из дома из-за своей пугливости, поневоле приобщившись к местной атмосфере, он наверняка уже успел понять, сколь опасны здешние места.

Ань Циюань помнил, как однажды слышал от Ду Яо историю: дескать, в один прекрасный день некий культиватор демонического пути на стадии Закладки Основания во время практики неосторожно допустил отклонение от истинного пути, в результате чего его духовная энергия взорвалась, разорвав тело на куски. Когда его труп везли хоронить, покойника случайно встретил Цин Янь — и перепугался до такой степени, что его мучали кошмары и жуткий жар, а отходил он от пережитого почти полмесяца.

Ань Циюань едва ли верил, что человек со столь трусливым складом ума сможет далеко продвинуться на пути культивации. К тому же поначалу он думал, что Цин Янь станет выпрашивать у него наделы земли, драгоценности или попросит наказать тех обидчиков из боковой ветви клана Су, что третировали его в прошлом. Кто бы мог подумать, что, едва открыв рот, Цин Янь пожелает заняться культивацией.

Ань Циюань на мгновение задумался, выглядя несколько нерешительным.

Заметив, что Ань Циюань нахмурился и молчит, Су Чэ тут же смертельно беспокоился.

Хотя ранее Ань Циюань и бросил фразу о том, что исполнит любую награду, просьба о культивации явно выходила за рамки его допустимого. Однако ступить вновь на путь

культивации было не только заветнейшим желанием Су Чэ в этот момент, но и единственным способом вырваться из оков Ань Циюаня и обрести долгожданную свободу.

Бессознательно вцепившись в рукав Ань Циюаня, Су Чэ, словно перенося великое унижение, тихо и умоляюще произнес:

— Разве нельзя? Нельзя хотя бы позволить мне попробовать?

Ань Циюань не дал определенного ответа. Лениво откинувшись на мягкие подушки, он, казалось бы, невзначай поинтересовался:

— Столько времени провел в долине и ни разу не заикался об этом, с чего это ты вдруг сегодня переменялся в нравах?

По правде говоря, среди наложников Ань Циюаня было немало тех, кто охотно отдавался ему ради повышения собственного уровня культивации, и сам Ань Циюань вовсе не возражал одарить их драгоценными пилюлями, магическими сокровищами или даже техниками.

Вот только Цин Янь явно не вписывался в число тех людей, чья цель была столь очевидна. Ань Циюань лишь испытал редкое любопытство, разбуженное этим парнем.

Су Чэ опустил голову, стараясь сделать так, чтобы Ань Циюань не смог прочесть по его глазам ничего лишнего.

Раздался его тихий голос:

— Ничего особенного...

Просто я подумал, что однажды хотел бы стать столь же сильным, как сам господин Сектант.

Когда этот день настанет, я, Су Чэ, непременно верну сторицей все те унижения, что терплю сегодня!

— Ха-ха-ха-ха! — Ань Циюань разразился раскатистым смехом, словно услышал какую-то нелепую шутку. — Ладно, забавно. Поистине забавно.

Он уже давно возвышался над остальными в Море Культивации, и ему доводилось сталкиваться с вызовами, но среди обитателей Долины Без Прощения Цин Янь был абсолютно первым безумцем, кто осмелился так открыто заявить ему в лицо о желании превзойти его самого.

Ань Циюань даже не знал, как расценивать эти слова — как невежество или как бесстрашие.

От насквозь пропитанного презрением и сомнениями дерзкого смеха Ань Циюаня лицо Су Чэ

то бледнело, то покрывалось пятнами, а пальцы, зажатые в складках одеял, сжались до боли.

Дождавшись, пока Ань Циюань наконец нахохочется, он услышал его слова:

— Раз так, я позволю тебе попробовать. Завтра я велю Ду Яо принести Камень проверки корней и проверить твои духовные корни.

Услышав это, Су Чэ испытал мимолетное облегчение.

В настоящий момент ему действительно было жизненно необходимо узнать потенциал этого тела к культивации.

Пусть успех и строится на трех частях таланта и семи частях усердия, но если у тебя нет этих трех частей таланта, вряд ли удастся добиться великих высот, даже выложившись на все десять. А в Море Культивации талант и вовсе решал абсолютно всё.

На Континенте Сюанььюань людей можно было разделять по наличию или отсутствию духовных корней.

Лишь обладатели духовных корней могли ступить на порог культивации, те же, у кого их не было, были навек обречены оставаться простыми смертными.

Духовные корни делились на пять стихий: металл, дерево, вода, огонь и земля.

Среди одаренных духовными корнями людей количество этих корней могло варьироваться от одного до пяти, причем их распределение подчинялось правилу: больше всего обладателей средних показателей и меньше — по краям.

Проще говоря, люди с Одиночным Духовным Корнем обладали наичистейшей природной стихией, а потому подобный дар считался величайшей редкостью и именовался высшим талантом в Море Культивации.

Взять хотя бы самого Су Чэ: в свое время учитель обратил на него внимание именно потому, что Су Чэ обладал редчайшим Одиночным Духовным Корнем Воды, встречающимся раз в сто лет.

Если оглядеть Мир Культивации, то все те немногие практики, кому удалось достичь стадии Превращения Божества, без исключения обладали высшим талантом одиночного корня. Сам Ань Циюань также был обладателем крайне редкого Одиночного Духовного Корня Ветра и практиковал заклинания ветряной и огненной стихий.

По тому же принципу двойной духовный корень уступал одиночному, но обладателей двойных корней было больше, чем одиночных. Тройные корни ценились еще ниже: с ними в лучшем

случае удавалось дойти лишь до стадии Формирования Ядра, а продвинуться дальше было уже невероятно сложно, однако культиваторы с Тремя Духовными Корнями составляли самую многочисленную и привычную часть Мира Культивации.

Четыре Духовных Корня были худшим из вариантов. О вознесении и бессмертии с таким набором не стоило и мечтать, да и просто достичь стадии Закладки Основания за отведенную жизнь уже казалось огромной редкостью.

По этой причине духовные корни учеников внутренних врат редко насчитывали больше трех элементов, обладатели же Четырех Духовных Корней чаще всего становились учениками внешних врат или разнорабочими, до конца своих дней не имея надежды перешагнуть порог внутренних врат.

Что же касается людей с Пятью Духовными Корнями, то с самого момента своего прихода в Мир Культивации Су Чэ о таковых даже не слыхивал.

Более того, он не только не слышал об этом сам, но и не получал никаких сведений от своего учителя. А потому Су Чэ оставалось лишь гадать, хороша эта пятерка стихий или дурна.

Су Чэ еще никогда не ждал с таким неистовым трепетом, чтобы это тело обладало хорошим потенциалом, пусть подобные мысли и казались донельзя прагматичными.

Если этот Цин Янь и впрямь принадлежал к роду клана Су, то между ними по меньшей мере должна была существовать кровная связь. Кто знает, быть может, благодаря ему на свет снова появится гений Мира Культивации?

<http://bllate.org/book/20774/2084332>